

Ивановская газета от 13 марта 2018 года "Коррупционеры, в отличие от убийц, не раскаиваются"

Коррупционеры, в отличие от убийц, не раскаиваются

Светлана Антипина: следователь должен быть высокоорганизованным и коммуникабельным человеком.

Сейчас женщины успешно трудятся в профессиях, которые в обществе считаются мужскими. Одна из таких, пожалуй, следователь. Об изобличении криминального мира мы поговорили со следователем по особо важным делам областного СУ СКР Светланой Антипиной.

Не взяли на работу из-за пятерок в дипломе

- Светлана, что повлияло на выбор специальности: книги, фильмы, профессия родственников?

- Не могу сказать, что читала много детективов или часто смотрела подобные фильмы. Из родных тоже никто не работал в этой сфере. Думаю, значительную роль сыграло то, что в конце 1990-х – начале 2000-х профессия юриста была очень популярна в обществе. На юрфак Ивановского госуниверситета поступила в 2000 году и почему-то изначально видела себя следователем.

- И после окончания университета вы пошли работать...

- Очень хотела стать следователем при прокуратуре, где занимались наиболее сложными делами: убийствами, изнасилованиями. Но когда пришла, меня не взяли. В неформальном разговоре сказали: потому что девочка да много пятерок в дипломе. Поэтому пошла следователем в милицию, в Октябрьский РОВД.

Сначала, как и всем новичкам для набивания руки, давали множество «темных» дел (совершенных в условиях неочевидности), в основном – кражи. Здесь требовалось проводить многочисленные опросы пострадавших и допросы подозреваемых, оформлять кипы документов. Помню, первым «светлым» уголовным делом, направленным мною в суд, был грабёж: молодой человек выхватил у бабушки кошелек с деньгами. Вторым - в отношении

подростка, который изготовил на принтере 100 рублей и отправился с ними в магазин...

В милиции я проработала до 2010 года. Для себя этот период определила бы фразой: «Как закалялась сталь». Здесь я поняла, что следователь должен быть высокоорганизованным и коммуникабельным человеком. И стала целенаправленно заниматься воспитанием характера: училась грамотно планировать свое время, контролировать эмоции. А чтобы устанавливать контакт с подозреваемым, специально получила второе высшее, психологическое образование. Ведь, когда пришла, сначала стеснялась даже позвонить и вызвать свидетеля на допрос...

- Как маститые милиционеры относились к тому, что вы, молодой следователь, руководили ими во время дежурств и выездов в составе следственно-оперативной группы? Как вам давались ночные дежурства?

- Они мне нравились – я легкая на подъем. Что же касается руководства, то никакого приказного тона у меня никогда не было, работала я наравне с другими членами группы. Да и зачем: каждый из участников знает свою работу. По приезде на место происшествия следователь проводит осмотр, определяет направление расследования, оперативник делает обход, эксперт ищет следы. Конечно, как следователь, я могла сориентировать эксперта и попросить его поискать, например, отпечатки, в тех или иных местах. Или попросить закончившего свою работу оперативника помочь опросить свидетеля.

Перед вскрытием трупа надушила платок

- Как я поняла, вам нравилось работать в милиции, почему же вы ушли?

- Чтобы расти в профессии. За несколько лет работы сначала в РОВД, затем в ГУВД я рассмотрела все категории преступлений, которыми занимается милиция и захотела окунуться в новые: расследование убийств, изнасилований, взяток. Поэтому перешла в Фурмановский отдел следственного управления СК при областной прокуратуре.

- Какие-то сложности возникли при переходе на другую категорию дел?

- Особых проблем не было (они появились позднее, при расследовании уголовных дел в отношении высокопоставленных чиновников). Первое дело, помню, было по взятке: сотрудник ДПС остановил гражданина, а тот оказался пьяным и предложил деньги. При их передаче в ходе оперативно-разыскных мероприятий был задержан.

- Убийства приходилось расследовать?

- Много, и в основном произошедших на бытовой почве в ходе пьяных конфликтов или из ревности.

- В обморок при работе с трупами не падали?

- Никаких особых чувств не испытывала. Еще на четвертом курсе мы ходили в бюро судмедэкспертизы, в том числе и на занятия по вскрытию трупа. Помню, отправляясь на первое, по совету подружки надушила платок и прикрывала им нос. Думала, что будет много эмоций, но восприняла всё спокойно. Правда, с тех пор никогда этими духами не пользуюсь – возникают неприятные ассоциации.

- Не случалось ли наблюдать у подозреваемых несколько пренебрежительного отношения к тому, что следователь женского пола?

- Нет, а по некоторым составам преступления, например изнасилованиям, это вызывает, скорее, злость. Помню, так было по делу о групповом изнасиловании в Фурманове: четверо мужчин затащили в квартиру девушку и издевались над ней. На допросах они вели себя вызывающе, а зачинщик вообще был неуправляем. Но я абстрагировалась от этого и просто делала свою работу, доведя дело до суда. Впрочем, они и там вели себя демонстративно и получили большие сроки.

- Были ли у вас ошибки в работе, неудачные дела?

- Оправдательных приговоров не было. А вот одно из дел я, пожалуй, могла бы отнести к разряду неудачных. Оно также было по изнасилованию. Женщина поздно вечером возвращалась с работы. В темном переулке ее подстерег злодей, рассек голову и под угрозами смерти затащил в свою машину и изнасиловал. Во время следствия он ни в чем не признавался, обливал женщину грязью, но я все-таки доказала его вину: на его одежде была кровь жертвы, у нее – его биологический материал. На месте преступления были обнаружены следы протекторов шин его авто. Во время суда он признался в содеянном и выплатил пострадавшей 150 тысяч рублей за причинение морального вреда. Женщина сняла свое обвинение в угрозах и ему дали условно. А если бы она до конца настаивала на своем, преступнику было бы назначено более строгое наказание.

У меня нет цели кого-то обязательно посадить за решетку, но каждый должен понести наказание за то, что совершил. Иначе для чего тогда правоохранительная и судебная системы?..

В расследуемом деле Ростехнадзора уже 85 томов

- Из фурмановского следственного отдела вы перешли в аппарат следственного управления...

- На каком-то этапе действительно боишься порости мхом, а смена категорий уголовных дел подхлестывает работоспособность. В отделе по расследованию особо важных дел я стала

заниматься более сложными преступлениями: экономическими, коррупционными, в том числе совершенными организованными группами.

- Какие резонансные дела у вас были? В чем сложность изобличения таких подозреваемых?

- Коррупционные – в отношении бывшего зампреда правительства Андрея Чужбинкина, бывшего начальника Ростехнадзора Александра Канаева, начальника исправительной колонии № 6 в Талицах... Конечно, доказывать их сложно. Стороны защиты выдвигают много различных версий, которые необходимо опровергать. Для этого требуется изучить большой объем документации: все действия чиновников регламентируются нормативно-правовыми актами, а поскольку они разбираются в законодательстве, то свои преступления часто маскируют под правомерные действия. Огромен по ним и сбор доказательств: так, в расследуемом мною сейчас деле Ростехнадзора уже 85 томов.

- Раскаиваются ли преступники в содеянном?

- В коррупционных делах, которые я сейчас рассматриваю, – нет. Санкции за них очень большие – до 20 лет лишения свободы. Кто же хочет за решетку? А тем более люди, которые имели в этой жизни всё... Убийцы в большинстве случаев искренне раскаиваются, особенно если это произошло в ходе конфликта. Насильники признаются редко: состав преступления для них очень нехороший.

- И все-таки, профессия следователя мужская или женская?

- И мужская, и женская. Ведение следствия абсолютно не зависит от половой принадлежности. Бывает, женщина так поставит на место, как ни один мужчина не сможет, а иногда и мужчины берут подозреваемого мягкостью. И женщины в этой профессии добиваются не меньше мужчин.

[Анна ПАРЫШЕВА](#)

13 Марта 2018

Адрес страницы: <https://ivanovo.sledcom.ru/folder/878895/item/1212097>